

Владимир Барышников
(Санкт-Петербург)

ЧЕТЫРЕ ДНЯ ИЮНЯ 41-ГО: К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ СССР

*Н*ачало Великой Отечественной войны на Северо-Западе СССР по времени произошло не совсем синхронно с наступлением немецких войск через границу Советского Союза на западе. В первый день войны немецкие, а также финские части не перешли государственную границу и не обрушились на советские пограничные заставы. Здесь, таким образом, не возникло элемента той внезапности начавшегося «блицкрига», какой был ранним утром 22 июня 1941 года для остальных советских войск на других западных

рубежах СССР. В результате части Ленинградского военного округа, в зону ответственности которого входила защита второго по величине и значимости города Советского Союза — Ленинграда, а также территории Карелии и Кольского полуострова, в сравнительно спокойной обстановке смогли занять оборонительные рубежи и подготовиться к возможному наступлению противника.

Однако возникает вопрос: а возможны ли были вообще здесь наступательные операции войск противника и собиралась ли Финляндия примкнуть к начавшейся агрессии Третьего рейха против СССР?

Этот вопрос в последнее время в отечественной историографии весьма активно привлекает внимание историков и публицистов. Причем в поисках определенных сенсаций некоторые люди, нередко довольно далекие от исторической науки, уже принялись старательно

реанимировать пропагандистские положения, которые были характерны, в частности, для финских органов массовой информации периода войны. Тогда, чтобы оправдать союз с нацистами, в Хельсинки упорно пытались распространять представления, что Финляндия не собиралась наступать на советскую территорию и не финская армия вместе с вермахтом все-таки напала в июне 1941 года на СССР. Наоборот, советские вооруженные силы готовились, а затем и совершили акт агрессии в отношении финского народа в июне 1941 года [1, с. 54, 59].

Особенно ярким образцом подобного характера трактовок стала работа отечественного публициста, работающего в жанре «история», М. С. Солонина. В 2008 году им была издана книга «25 июня. Глупость или агрессия?» [2]. Причем, представляя себя не иначе как «ученый», автор этого произведения, получивший до этого в Куйбышевском авиационном институте лишь техническое образование и проработав затем ряд лет в конструкторском бюро, вдруг, с имеющимися у него знаниями, обнаружил в себе историко-исследовательский «дар» и занялся «изучением» прежде всего истории Второй мировой войны. В итоге на читателя его «творений» буквально обрушиваются, по взглядам Солонина, невероятные по силе аргументы, доказывающие, что Сталин, который, естественно, всю свою жизнь мечтал о присоединении Финляндии к СССР, посчитал, что в конце июня 1941 года этот момент настал! А само решение родилось в Кремле «из вопиющей некомпетентности, из удивительной смеси трусливой подозрительности и ничем не оправданной недооценки противника» [2, с. 612].

Естественно, что столь примитивные построения «не совсем» соответствуют требованиям к современным научным исследованиям и выглядят в историческом плане просто нелепо. Объективно автор лишь обнаруживает, по его же образному выражению, свое «агрессивное невежество» [Там же, с. 17]. В книге даже присутствуют удивительные по своей глупости откровения, в которых Солонин, особо не задумываясь о том, что собственно написал, утверждает, что в первой половине 1941 года «в штабах Красной Армии продолжалась отработка каких-то планов» и далее: «И хотя их содержание нам неизвестно, некоторые выводы можно сделать на основании опубликованного во второй половине 90-х годов "Контрольного плана проведения сборов высшего начсостава, игр, полевых поездок и учений в округах в 1941 года"» [Там же, с. 282]. Подобные поверхностные суждения могут свидетельствовать лишь об одном — сейчас в России, как правильно подметил автор, «совершенно некомпетентные по своей сути люди при наличии денег или богатых спонсоров могут наполнять рынок своими графоманскими поделками» [Там же, с. 14].

Тем не менее, действительно, остается вопрос, насколько оправданным были опасения советского руководства относительно возможной перспективы участия Финляндии в новой войне с СССР вместе с теми немецкими войсками, которые уже сгруппировались на финской территории к 22 июня 1941 года?

На страницах своего «творения» Солонин утверждает, что у него «"финская составляющая" вопроса будет рассмотрена лишь в самой меньшей степени» [2, с. 23]. Более того, он весьма снисходительно дает оценку действия в Финляндии советской разведки. Солонин указывает на невесть откуда существующие у него данные, что чуть ли не все основные сведения о военных планах и подготовке финской армии советская агентурная сеть в этой стране добывала из застольных бесед финских офицеров в ресторанах Хельсинки [Там же, с. 319—320]. Но на самом деле ситуация со сбором разведданных обстояла значительно более серьезно, и об этом написано, как представляется, уже достаточно [3]. Хотя, в данных условиях, стоит, видимо, опять напомнить, что советская разведка в это время все же фиксировала массу примеров проявления нарастающего тогда германо-финского военного сотрудничества и развертывания у границ СССР в Финляндии немецкой группировки.

Прежде всего, конечно, советская разведка фиксировала устойчивое присутствие военных сил Германии на финской территории. Но поскольку к лету 1941 года поток немецких войск туда стал лишь только нарастать, советские представители, работавшие в Финляндии, это тоже начали, естественно, отмечать. Причем в Москву информация о том, что «немцы перебрасывают в Финляндию войска», разумеется, поступала из разных стран [4, с. 24—25, 78]. В частности, как сообщал в конце апреля советский военный атташе в Германии, «потоки военных транспортов из Германии в Финляндию идут непрерывно, а в последнее время получают сведения о транспортировке войсковых частей» [Там же, с. 116]. Всего же к началу мая, по финским данным, на территорию страны из рейха было направлено около 13 тысяч немецких солдат [5, S. 252].

Сведения поступали от достаточно развитой сети советских агентов, работающих в различных странах. Кроме того, советские разведчики подбирали ключи к шифротелеграммам дипломатической переписки ряда государств, а также наладили прослушивание зданий иностранных дипломатических представительств в Москве, в том числе и финского [6, с. 78, 83—86]. Далее, советская разведка перехватывала определенную информацию, которая поступала в английскую миссию в Хельсинки и даже имела агентурный доступ к определен-

ным документам разведывательной службы Англии. В результате в Москву нередко попадали весьма ценные аналитические документы британской разведки, в том числе и отдельные материалы относительно германо-финляндского сотрудничества [7, с. 479].

В итоге, согласно справке наркомата госбезопасности, обобщавшей тогда новые агентурные сведения о подготовке Финляндии совместно с Германией к нападению на Советский Союз, имелись четкие данные, что Финляндия должна была вступить в войну [8, с. 209; 9, с. 71; 4, с. 14, 26]. Особенно хорошо это стало заметно, когда 7 июня 1941 года началась массовая переброска немецких солдат в Финляндию [10, S. 93]. Туда было направлено громадное количество судов, на борту которых находились военнослужащие сразу двух немецких дивизий. Всего в июне 1941 года на более чем 70 транспортных кораблях удалось перевезти свыше 21 тысячи германских солдат. Они выгружались в портах Оулу, Пиетарсаари, Вааса, Каскинен и Турку [Ibid., S. 93; 11, S. 104]. Затем эшелонами по железной дороге эти войска перемещались в район Рованиеми.

Вместе с тем в финскую Лапландию из Норвегии стали маршем прибывать и первые механизированные части дивизии СС «Норд». Вообще же в те дни благодаря переброске войск из Северной Норвегии группировка немецкой армии в районе Рованиеми увеличилась более чем на 40 тысяч солдат [9, с. 93; 12, с. 145].

Разумеется, что такое значительное перемещение немецких войск уже просто не могли не замечать. Из информации, которая была представлена Сталину еще в начале мая 1941 года на основе данных из разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии, становится ясно, что именно такое развитие событий и предполагалось в перспективе советским командованием. В указанной информации говорилось, что «вероятно дальнейшее усиление немецких войск на территории Норвегии, северо-норвежская группировка которых в перспективе может быть использована против СССР через Финляндию и морем» [4, с. 173].

В целом по поводу переброски в Финляндию немецких войск советскому правительству неоднократно и достаточно подробно направлялась обстоятельная разведывательная информация. В течение 5, 9, 11 и 13 июня на имя Сталина и Молотова поступали сведения, в которых подробно рассматривались вопросы, касающиеся возможности вступления Финляндии в войну против СССР на стороне Германии [13; 6, с. 140, 151–153]. В них, в частности, верно указывалось, что с 5 по 15 июня в порты Финляндии «выгружилось не менее двух моторизованных дивизий». Также сообщалось, что «немцы перебрасывают

из Северной Норвегии в Финляндию дивизию, которая прибывает в Рованиеми» [4, с. 366; 6, с. 154]. Таким образом, сведения поступали в Москву весьма четкие.

К тому же в последние дни перед войной советская радиоразведка еще перехватила ряд шифровок зарубежных посланников в Хельсинки. В телеграмме, адресованной 18 июня японскому послу в Москве, и в другой, отправленной 19 июня итальянским посланником в Рим, говорилось о последних военных приготовлениях, происходящих в это время в Финляндии. Так, в частности, отмечалось: «Всеобщая мобилизация, объявленная неофициально, сейчас завершена. Страна находится на военном положении. Продолжается прибытие германских вооруженных сил, включая авиационные части. Считается, что Германия немедленно примет решение в отношении СССР» [8, с. 216—217; 9, с. 254, 266]. Более того, советской разведке стало известно из сообщения японского посланника своему руководству о том, что в его дипломатическом представительстве в финской столице начали сжигать секретную документацию [9, с. 268]. Все это говорило только об одном — неотвратимо приближается война с СССР.

Основываясь на воспоминаниях командующего войсками Ленинградского военного округа генерал-лейтенанта М.М. Попова и начальника штаба округа генерал-майора Д.Н. Никишева, можно заключить, что они, располагая поступавшей разведывательной информацией, имели довольно ясное представление о приближавшейся военной опасности с территории Финляндии [14; 15. Оп. 1. Л. 272].

Именно тогда по указанию командующего Ленинградским округом и было принято решение о переброске на кандалакшское направление из района Пскова 1-й танковой дивизии. М. Солонин только в этом увидел предвестник готовящейся СССР агрессии в отношении Финляндии. Но он, как это можно понять, при этом просто не захотел еще посмотреть на то, что тогда происходило в самой Финляндии.

Все перемещения советских войск к финской границе на севере, безусловно, были вызваны только одним — стремительной концентрацией частей германской армии на этом направлении. Другого просто не было, если, конечно, не рассматривать события в сугубо публицистическом жанре, далеком от истории. Более того, говоря о серьезном отношении к происходящим событиям в Финляндии командования Ленинградского военного округа, следует заметить, что 19 июня почти весь состав военного совета округа выехал специальным поездом в Заполярье. Целью этой поездки было изучение на месте складывавшейся обстановки. Впоследствии М.М. Попов писал: «...Мы и лично наблюдали, поднимаясь на некоторые вышки пограничников, отчетливо ви-

димые группы немецких офицеров, группы солдат, продвигавшихся в различных направлениях, машины, носившиеся по дорогам, и много дымов — очевидно от полевых кухонь, так как в жаркий июньский день вряд ли кто-нибудь разводил костры» [14, с. 36—37]. В данном случае советскому окружному командованию действительно повезло, поскольку оно убедилось в том, что немецкие войска, выполняя приказ, начали уже с 18 июня выдвигаться к советской границе на севере Финляндии [11, S. 108].

Но то, что лично наблюдал тогда командующий округом, было еще не все. В это время в Финляндии в распоряжение немецкой авиации предоставили ряд аэродромов, что позволяло серьезно приблизить места германского авиационного базирования к жизненно важным районам северо-западной части СССР. Далее, еще за десять дней до начала войны, 12 июня в финские территориальные воды вошел отряд боевых кораблей, состоящий из лучших торпедных катеров Германии [5, S. 459; 11, S. 108]. Эти суда должны были вместе с финскими кораблями с началом войны постараться перекрыть выход советского Балтийского флота из Финского залива.

К тому же тогда, а точнее с 15 по 19 июня, в генштабе финской армии были внесены окончательные уточнения в наступательные операции в северном Приладожье и на Карельском перешейке [5, S. 427], а 17 июня финскому военному командованию уже четко сообщили, что нападение Германии на СССР произойдет 22 июня. После получения этих сведений генеральный штаб финской армии вынужден был срочно провести совещание командиров оперативных отделов корпусов, которые были проинформированы об ожидаемом развитии событий. Как отметил затем 19 июня в своем дневнике финский боевой генерал П. Талвела, «предварительный приказ о наступлении получен» (!!!) (Цит. по: [Ibid., S. 430]).

Иными словами, вооруженные силы Финляндии в данном случае действовали вполне согласованно с вермахтом и действительно готовились перейти советско-финляндскую границу. События тогда развивались для Финляндии достаточно естественно и в строгом соответствии с тем, какие задачи отводились ее армии в немецком оперативном плане «Барбаросса», утвержденном Гитлером еще 18 декабря 1940 года. Вполне понятно поэтому, что за день до нападения Германии на СССР финские вооруженные силы уже тоже были приведены в состояние полной боевой готовности, а в финском генштабе даже появился заблаговременно составленный маршалом Маннергеймом приказ о переходе в наступление [16]. Более того, накануне начала войны финляндские подводные лодки и германские минные заградители,

располагавшиеся в шхерах, уже направились в территориальные воды Советского Союза для постановки мин [5, S. 573—574; 10, S. 205—206]. Все эти события свидетельствовали, естественно, только об одном — Финляндия и Германия действовали строго по выработанному единому стратегическому плану.

Таким образом, реальные действия Финляндии ясно указывали советскому командованию на факт сложившихся у рейха союзнических отношений с финским руководством. И, действительно, Ленинграду немецкая авиация начала угрожать уже с первого дня Великой Отечественной войны. Боевые операции люфтваффе стали осуществляться тогда именно с использованием финских аэродромов, поскольку технические данные самолетов пока еще не позволяли с самой территории Германии разворачивать массированные операции против района Ленинграда.

В результате уже 22 июня в два часа ночи через аэродром в Финляндии в районе Утти пролетело до 18 немецких бомбардировщиков «Ю-88», которые далее пересекли воздушное пространство Советского Союза в районе города Лаппеенранта. После этого над акваторией Ладожского озера они долетели до Невы у Шлиссельбурга, а затем повернули в сторону Ленинграда. Целью этого налета являлось, как утверждают финские исследователи, минирование «объектов, связанных с судоходством на Неве» [5, S. 584]. Поставленную задачу, очевидно, германские самолеты выполнили, хотя по советским данным уже тогда состоялся первый воздушный бой в небе у Ленинграда, где немецкие самолеты были встречены истребителями ВВС округа [17, с. 45].

Действительно, определенная готовность противовоздушной обороны Ленинграда к возможной атаке авиации противника на город, по-видимому, объяснялась тогда тем, что еще до этого налета в половине первого ночи в штаб ЛВО пришла директива, подписанная наркомом обороны и начальником Генерального штаба. В этой директиве говорилось о возможности нападения немецкой армии на СССР уже 22—23 июня. В результате командованию ВВС округа «была поставлена задача немедленно привести всю авиацию в полную боевую готовность». Такую же задачу поставили командованию ленинградских войск противовоздушной обороны [Там же, с. 45; 18, с. 12]. В результате самолеты истребительной авиации округа уже спустя два часа после отданного из Москвы распоряжения начали боевое патрулирование воздушного пространства Ленинграда. Еще на двадцать минут раньше были подняты по боевой тревоге и части ПВО [19, с. 12].

Тем не менее все 18 немецких самолетов смогли благополучно вернуться обратно в Финляндию, приземлившись уже в 3 часа 15 минут

утра на аэродроме в Утти. «Иными словами, — как отметил военный историк Х. Сеппяля, — с финского воздушного пространства атаковали район Ленинграда, еще до перехода в наступление немецкой армии» и начала Великой Отечественной войны [20, С. 38—39]. В результате можно говорить, что Великая Отечественная война для СССР началась именно на ленинградском направлении.

Однако налеты на советскую территорию в эту ночь не закончились. В 3 часа 30 минут, если верить неопубликованным воспоминаниям генерала Д. Н. Никишева, ему позвонил начальник ПВО округа и доложил «о подходе группы самолетов в направлении Кронштадта и Ленинграда» [15. Д. 24 (2). Л. 277]. Естественно, начальник штаба Ленинградского округа сразу же сообщил об этом в Москву. Он связался с заместителем начальника Генштаба Н. Ф. Ватутиным и проинформировал его о налете, а также запросил у него информацию об обстановке в целом. Ответ был весьма коротким: «Война, тов. Никишов, действуйте» [Там же. Л. 278]. Действительно, 14 немецких бомбардировщиков, вылетевших из Восточной Пруссии, тоже использовали Финляндию для своего временного базирования в осуществлении своего налета на район Ленинграда — Кронштадта. Однако и этот налет не оказался неожиданным для ленинградской противовоздушной обороны. По информации ряда советских источников немецкие самолеты были обнаружены над акваторией Финского залива и обстреляны зенитными батареями кронштадтских фортов [21, с. 187; 22, с. 64], а по некоторым сведениям даже указывается, что «два фашистских самолета с их экипажами отправились на дно Финского залива» [23, с. 177].

После полученных из Москвы указаний незамедлительно для штаба и всех окружных управлений была объявлена полная боевая тревога. Также оповестили о начале войны все военкоматы, партийные и советские организации Ленинграда. Д. Н. Никишев, кроме того, отдал срочное распоряжение «предупредить военкоматы о предстоящей мобилизации и формировании частей по схеме развертывания» [Там же, с. 177]. Так, уже рано утром войска округа переходили на абсолютный режим военного времени.

Тем не менее финская армия не пересекла тогда государственной границы, поскольку в соответствии с планом «Барбаросса», она должна была включиться в наступательные операции на ленинградском направлении только после подхода к городу войск немецкой группы армий «Север». Но налеты немецких самолетов на советские стратегические объекты из Финляндии, естественно, продолжились. Наряду с попытками проникнуть в воздушное пространство Ленинграда 14 немецких самолетов «Me-110» утром 22 июня на малой высоте

постарались атаковать советский военный аэродром под Выборгом. Однако и здесь они натолкнулись на достаточно сильную систему противовоздушной обороны. Завязался воздушный бой, в котором участвовали истребители 7-го авиаполка [24, с. 165]. Как отмечает в своем исследовании отечественный историк авиации И. Г. Иноземцев, «советские летчики атаковали "мессершмиттов", которые, не приняв боя, поспешили скрыться в сторону Финского залива» [25, с. 36].

Также стали происходить достаточно ожесточенные бои и в небе над советской военно-морской базой в Ханко [26, с. 136]. На Крайнем Севере немецкая авиация подвергла бомбардировке район Мурманска. Рано утром 22 июня в городе был дан сигнал воздушной тревоги [27, с. 6]. На следующий день это коснулось и Ленинграда. Немецкое командование тогда решило нанести свой первый авиаудар прямо по городу. До 18 бомбардировщиков, взлетев поздно вечером с территории Финляндии, пытались прорваться к городу со стороны Карельского перешейка. Однако уже на подлете к цели в районе города Сестрорецка они натолкнулись на весьма плотный огонь зенитных орудий. В результате половина этой авиационной группы развернулась и двинулась в сторону Финского залива в направлении Кронштадта, а другая продолжала свой курс прямо на город.

Обе группы немецких самолетов так и не смогли выполнить поставленной перед ними задачи. У Кронштадта бомбардировщики были встречены мощным заградительным огнем зенитных орудий Балтийского флота. В итоге, по некоторым данным, было сбито «четыре самолета, а остальные повернули обратно» [19, с. 19]. Другая же группа бомбардировщиков «Ю-88» оказалась прямо над артиллерийскими позициями 2-го корпуса ПВО Ленинградского округа. Сразу же один из самолетов этой группы был сбит огнем зенитной батареи, находившейся в районе станции Дибуны, остальные же бомбардировщики, беспорядочно сбросив свой груз, быстро взяли обратный курс к территории Финляндии [Там же]. Что же касается сбитого над Карельским перешейком самолета, то три члена его экипажа смогли катапультироваться и оказались одними из первых с момента начала войны военнопленных. В результате выяснилось, что взятый в плен «экипаж вместе с экипажами других бомбардировщиков получил задачу совершить налет на Ленинград и нанести удар по Кировскому заводу» [18, с. 13]. Этот факт также подтверждали и изъятые у пленных летчиков документы. Среди них, в частности, оказались карты района Кировского завода [28, с. 226].

В то же время руководству Ленинградского округа стали поступать достаточно разнообразные разведывательные данные из Генштаба о

том, что немецкое командование уже готовит масштабные «авиационные удары по Ленинграду, подобно тем, которым подверглись Рига, Каунас, Минск, Смоленск, Киев, Житомир, Севастополь» [18, с. 13]. Эти сведения подтверждались также информацией от радиоразведки. Из полученных данных становилось ясно, что уже началось «сосредоточение на аэродромах Финляндии крупных сил немецкой авиации» [Там же]. Очевидно эта информация прежде всего была связана с тем, что тогда из Германии на аэродром в Мальми под Хельсинки уже стали перебрасывать немецкую бомбардировочную авиацию 1-го воздушного флота, что было вызвано, как объясняется в финской исторической литературе, недостаточной пропускной способностью аэродрома в Утти [5, S. 586]. Все это требовало от советского командования принятия крайне оперативных решений. Начальник разведотдела штаба округа комбриг П. П. Евстегнеев срочно доложил об имеющихся у него сведениях своему руководству.

Советскому военному командованию нужно было делать весьма адекватные выводы относительно событий, происходивших на северо-западных границах СССР. Как по этому поводу заметил А. А. Новиков, «нужно было принимать срочные меры, чтобы избавить Ленинград от участи городов, подвергшихся яростной бомбардировке в первые часы войны». Далее он в своих воспоминаниях отметил, что у руководства ВВС округа тогда уже сложилось мнение, что «если не будем медлить, то вполне справимся с такой задачей» [17, с. 50].

Так, на второй день войны с позицией Финляндии стало все предельно ясно. Нарушение воздушного пространства СССР превращалось в весьма регулярные боевые действия. Очевидно, что в подобных условиях требовалось дать соответствующий отпор. Об этом решении, естественно, должны были думать прежде всего в Москве, поскольку ранее, с началом войны, войскам Ленинградского военного округа давалось категорическое указание, чтобы они «не шли на провокации» [15. Д. 24 (2). Л. 288]. По воспоминаниям начальника штаба округа генерал-майора Д. Н. Никишева, он 23 июня в 12 часов дня связался по прямой телефонной линии с Москвой и доложил о сложившейся ситуации и о действиях финнов заместителю наркома обороны СССР и начальнику Генштаба Г. К. Жукову. Как пишет Д. Н. Никишев, он сообщил ему о систематических фактах нарушения границы со стороны Финляндии. Ответ был категоричным. Жуков твердо сказал: «"Бейте эту св...чь" и положил трубку» [Там же]. Следовательно, военному командованию СССР стало очевидно, что финны фактически вступили в войну на стороне Германии и что необходимо предпринимать адекватные ответные действия.

В ночь с 23 на 24 июня разведотделу округа было поручено подготовить карту финских «аэродромов с указанием координат каждого из них», а также «количества базирующихся самолетов и зенитного прикрытия» [18, с. 13]. Эта карта, собственно, затем и стала использоваться для разработки весьма поспешного по своей сути плана действий советских военно-воздушных сил против немецкой авиации на финской территории. Сам этот план, судя по воспоминаниям А. А. Новикова, был утвержден командующим округа днем 24 июня, когда он лично связался с наркомом обороны С. К. Тимошенко. Тот, в свою очередь, «проконсультировался в еще более высоких инстанциях, и решение было получено» [17, с. 50]. В результате ранним утром следующего дня разработанный в штабе ВВС округа план начал воплощаться и «первый удар по вражеским аэродромам был нанесен 25 июня в 4 часа утра» [Там же, с. 51].

Из общей подготовки, планирования и осуществления данной операции видно, что она готовилась стремительно. Более того, за ее реализацией не скрывалось ничего, кроме желания при возникновении реальной угрозы нанесения противником «внезапного удара» не давать ему «инициативы действий». Так, собственно, говорилось в довоенных документах «стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» [4, с. 216; 29, с. 304]. И теперь эта задача начала выполняться.

Упреждающий удар был нанесен советской авиацией 25 июня по 18 аэродромам в Финляндии и захваченной Германией Норвегии. В этой операции принимали участие 260 бомбардировщиков и 225 истребителей сопровождения [30, с. 45; 25, с. 40]¹. Таким образом, на каждую цель советское командование направило приблизительно столько же бомбардировщиков, что и люфтваффе в район Ленинграда в момент их налетов на советскую территорию. Отличие между немецким и советским авианалетами заключалось лишь в значительно большем количестве целей, которые были подвергнуты атаке советской авиацией. Перед советским командованием стояла задача предотвращения дальнейших массированных налетов авиации Германии на стратегически важные районы северо-запада Советского Союза и на Ленинград. Операция достигла нужного результата — с этого момента налеты на Ленинград немецкой авиации с финской территории прекратились и фактически уже больше не осуществлялись до конца войны.

¹ В мемуарах А. А. Новиков, подтверждая цифру уничтоженных самолетов противника, указывает, что в этой операции приняло участие 263 бомбардировщика и 224 истребителя [17, с. 51].

Безусловно, это было наиболее существенным из того, что достигли советские военно-воздушные силы в начале Великой Отечественной войны.

С другой стороны, можно еще отметить, что советский налет нанес первый удар по военной политике Финляндии того времени. Позволив сначала разместить части вермахта на своей территории, а затем разрешив базироваться у себя военно-морским и военно-воздушным силам Германии, руководство страны, вероятно, не до конца задумывалось о возможных последствиях таких решения. Надежды на то, что вермахт в считанные месяцы сокрушит Красную армию, а люфтваффе уже в первые часы войны сможет подорвать мощь советской авиации, не оправдались. В итоге при ответном советском авиационном ударе пострадала территория самой Финляндии. Более того, по данным финского управления противовоздушной обороны 25 июня 1941 года от бомбардировки погиб 21 человек, а более 100 было ранено [31]. Так появились первые жертвы политики военного сотрудничества Финляндии с Германией.

События 25 июня дали финскому руководству возможность официально объявить готовящуюся им войну Советскому Союзу. В этой связи остается лишь задать вопрос: когда финские войска действительно начали боевые действия и перешли в наступление? Имея значительное превосходство в численности своей армии перед войсками Северного фронта, который был развернут на основе частей Ленинградского военного округа — 475 тысяч человек против 240 тысяч [32, с. 107] — финские войска не спешили переходить к решительным действиям. Бои на границе стали разгораться лишь к концу июня синхронно действиям немецких войск на Севере. Финские части переходили государственную границу с тем, чтобы перерезать проходящую по территории Карелии мурманскую железную дорогу и начали наступать севернее Ленинграда в приладожском районе [24, с. 175]. Эти действия совпали по времени с наступлением 29 июня на мурманском направлении с территории Финляндии немецкого горнострелкового корпуса «Норвегия» [Там же, с. 173].

Основные свои действия финские войска так называемой «Карельской армии» развернули лишь 10 июля 1941 года, в то самое время, когда германские части группы армий «Север», наступавшие на Ленинград, вышли в район Пскова и стремительно начали продвигаться на ближние подступы к городу. Именно в этот момент по согласованному ранее плану финские войска перешли в общее наступление на Ленинград. В результате над городом нависла угроза как с севера, так и с юга.

Таким образом, отвечая на вопрос о том, насколько долго Финляндия могла пребывать в положении странного «нейтралитета», не случись атаки советской авиацией финских аэродромов 25 июня, можно со всей уверенностью поддержать мнение отечественных исследователей, отмечающих, что эта позиция финского руководства могла реально сохраняться «не дольше 10 июля» [32, с. 107]. Разгоралась битва за Ленинград, Финляндия и ее армия, по согласованному с германским командованием плану «Барбаросса», должна была принять самое активное участие в этой операции.

В целом начало войны на Северо-Западе СССР показало, что подразделения Красной армии здесь ее встретили весьма достойно. Как немецкие, так и финские войска, не получившие «фактора внезапности», имевшегося у вермахта на остальной части советско-германского фронта, не смогли полностью решить поставленные перед ними задачи. Поскольку боевые действия тут начались спустя неделю после нападения Германии на Советский Союз, это привело к тому, что подразделения Ленинградского военного округа оказались полностью готовы к отражению готовящегося наступления. В итоге германские войска с территории Финляндии так и не смогли взять Мурманск — стратегически важный порт СССР. Финские и немецкие части не сумели перерезать мурманскую железную дорогу, они были остановлены 25 сентября 1941 года у стен Ленинграда, где советские войска фактически одержали первую крупную победу в ходе Великой Отечественной войны [33]. В результате же Тихвинской оборонительно-наступательной операции осенью — зимой 1941 года наступавшие немецкие части были разбиты. Это означало явное крушение германского плана «Барбаросса» на Северо-Западе и отказ германского командования от дальнейшего масштабного наступления вглубь северо-западной части территории Советского Союза.

Список литературы

1. *По обе стороны Карельского фронта. Документы и материалы.* Петрозаводск, 1995.
2. Солонин М. 25 июня. Глупость или агрессия? М., 2008.
3. Барышников В. Н. Что было известно в 1941 г. о возможности нападения Финляндии на СССР и наступлении финских войск на Ленинград // Уроки Второй мировой войны и проблемы обеспечения мира в XXI веке. СПб., 2000.
4. *Россия. XX век. Документы.* 1941 год: в 2 кн. М., 1998. Кн. 2.
5. Jokipii M. *Jatkosodan synty.* Hels., 1987.
6. *Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР.* Март — июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ России. М., 1995.

7. *Очерки истории российской внешней разведки*: в 6 т. М., 1997. Т. 3.
8. *Известия ЦК КПСС*. 1990. № 4.
9. *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне*. М., 1995. Т. 1. Кн. 2.
10. *Serrälä H. Suomi hyökkääjänä 1941*. Porvoo; Hels.; Juva, 1984.
11. *Menger M. Deutschland und Finland im zweiten Weltkrieg*. Berlin, 1988.
12. *Носков А. М.* Скандинавский плацдарм во Второй мировой войне. М., 1977.
13. *Правда*. 1989. 8 мая.
14. *Оборона Ленинграда. Воспоминания и дневники участников*. Л., 1968.
15. *Архив штаба Ленинградского военного округа*. Ф. 47/127. Оп. 1. Л. 272.
16. *Tiedonantaja*. 1979. 16.02.
17. *Новиков А. А.* В небе Ленинграда. М., 1970.
18. *Винницкий Л. Г.* Бойцы особого фронта. Л., 1980.
19. *Дворянский Е. М., Ярошенко А. А.* В огненном кольце. Таллин, 1977.
20. *Serrälä H. Leningradin saarto 1941–1944*. Hels.; Pietari, 2003.
21. *Дважды Краснознаменный Балтийский флот*. М., 1978.
22. *Козлов И. А., Шломин В. С.* Краснознаменный Балтийский флот в героической обороне Ленинграда. Л., 1976.
23. *Гужков А. А., Раздольский Е. И.* Противовоздушная оборона КБФ // *Моряки-балтийцы на защите Родины 1941–1945*. М., 1986.
24. *История Ордена Ленина Ленинградского военного округа*. М., 1988.
25. *Иноземцев И. Г.* Под крылом – Ленинград. М., 1978.
26. *Кабанов С. И.* На дальних подступах. М., 1971.
27. *Иноземцев И. Г.* Крылатые защитники Севера. М., 1975.
28. *Геуст К.-Ф.* Советская бомбардировка финских аэродромов в июне 1941 г. в начальной стадии «войны-продолжения» // *От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944*. СПб., 2006.
29. *Горьков Ю. А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995.
30. *Барышников Н. И.* Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. СПб.; Хельсинки, 2002.
31. *Ulkoasiainministeriön arkisto*. 110 A 1. Pommituskertomus ajalta 22–26.06. 1941.
32. *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. СПб., 2010.
33. *Барышников Н. И.* Две судьбоносные даты в битве за Ленинград // *Материалы научно-практической конференции «Тихвинско-Волховская наступательная операция 1941 года»*. СПб., 2007.